

Глава 2

Перерыв длился всего несколько минут. Прекратив шутивную возню, участники группы сменили костюмы и снова заняли свои места за кулисами.

Больше всех нервничал заместитель главного вокалиста Цзоу Яо.

— Господи, пусть всё пройдёт гладко, — тревожно бормотал он.

Фан Синьгу похлопал его по плечу.

— Не волнуйся, мы репетировали много раз.

Эти простые слова подействовали как успокоительное. Цзоу Яо обрёл опору и посмотрел на собеседника с восхищением: как можно оставаться таким невозмутимым с такой высокой температурой?

Вот бы ему хоть половину этого спокойствия.

Цзоу Яо тут же расслабился.

— Это точно. Даже если небеса рухнут, ты, наш главный вокалист, всё выдержишь.

В этот момент музыка стихла, занавес поднялся, и группа Nebula, снова облачённая в форму из «Звёздного пути», вышла на сцену. Зал взорвался оглушительными криками:

— А-а-а! Это же форма из «Звёздного пути»!

— Я и не надеялся снова её увидеть!

Слыша восторженные возгласы, Фан Синьгу улыбнулся. Камеры тут же поймали его улыбку и вывели на большой экран, что вызвало новую волну оваций. Он поднял руку, призывая к тишине, и шум постепенно утих.

Когда вступление закончилось, главный вокалист наконец запел первую и последнюю песню Nebula:

— Я пришёл сюда,

Чтоб зажглись для меня огни.

Каждый вздох в этой темноте —

Это вера в грядущие дни.

Его узнаваемый голос заполнил зал, заставляя каждого погрузиться в трогательную мелодию. Словно вторя словам песни, на тёмной сцене вспыхнули яркие прожекторы, осветив семь молодых, полных жизни лиц.

— Я стою здесь,

Чтобы услышать аплодисменты.

Бесценен пот, что пролил я не раз,

Лишь в труде рождаются моменты.

Зал взорвался аплодисментами. Знакомая мелодия перенесла всех на четыре года назад, и сцена дебюта из «Звёздного пути» наложилась на нынешнюю картину. Спустя четыре года казалось, что ничего не изменилось.

И на сцене, и в зале у многих на глаза навернулись слёзы. Е Вэньлянь украдкой смахнул слезу — он всегда был шумным и эмоциональным, но в то же время очень сентиментальным.

К счастью, эту песню они исполняли четыре года, и даже если у кого-то из-за подступившего к горлу кома срывался голос, искренние эмоции сглаживали все мелкие огрехи. По крайней мере, Фан Синьгу считал, что все выступили достойно.

Когда подошла очередь Цзоу Яо, он, совладав с нервами, начал свою партию:

— Свет софитов на сцене — это мечта...

Внезапно музыка оборвалась. В зале воцарилась тишина, в которой одиноко звучал лишь голос Цзоу Яо.

— ...с которой всё началось...???

По инерции он допел строчку до конца, прежде чем осознал, что что-то не так.

А где музыка?

Неужели от волнения он оглох?

Цзоу Яо в панике покосился на товарищей и увидел, что все замерли, растерянно переглядываясь. Что происходит?

В головах у всех пронеслась одна и та же мысль: техническая неисправность, пропал звук!

Но почему именно сегодня? Это же последний выход Nebula на сцену!

Неожиданность повергла всех в ступор, тем более что на них смотрели десятки тысяч глаз. В растерянности шесть пар чистых, но полных недоумения глаз синхронно уставились на Фан Синьгу.

Фан Синьгу:

— ...

«Чего вы на меня уставились? Пойте!»

От и без того высокой температуры голова разболелась ещё сильнее.

Он прекрасно понимал, почему они молчат. Петь а капелла без музыки на многотысячном стадионе — серьёзное испытание для вокальных данных. Особенно сейчас, после нескольких часов танцев, когда дыхание сбито, а у некоторых от слёз пересохло в горле. Вполне естественно, что они не решались продолжать.

Фан Синьгу мог бы повести их за собой, чтобы закончить песню хором, но интуиция подсказывала, что это не лучшее решение.

Никто не знал, была ли это случайность или чей-то злой умысел, и никто не мог предсказать, не воспользуется ли кто-то этим инцидентом после концерта.

Он знал лишь одно: сегодня Nebula распадается, и каждый из них должен показать себя с лучшей стороны, иначе это скажется на их будущей карьере.

Они должны не просто спеть, а спеть хорошо, потому что это их последняя песня, и у них есть только один шанс.

Но как?

Под огромным давлением по лбу Фан Синьгу скатилась капля пота. Несколько секунд

растянулись в вечность. И вдруг он вспомнил один случай, произошедший во время их бесконечных репетиций.

Идея вспыхнула в его голове. Он сорвал с уха наушник, поднял правую руку, сделал хватательное движение, а затем соединил кончики пальцев вместе, показывая жест «семь».

Остальные участники на мгновение замерли, но годы совместной работы сделали своё дело — они быстро поняли замысел и тоже сняли наушники.

В зале стояла тишина. Озадаченные фанаты, увидев, как Nebula синхронно снимают наушники, растерялись ещё больше.

Что происходит? Это авария или часть шоу?

Не успели они найти ответ, как в зале зазвучала плавная мелодия.

Звук вернули?

...Нет.

Фанаты быстро поняли, что это не фонограмма, а кто-то напевает мелодию «Звёздного пути».

Все взгляды устремились на сцену, где Фан Синьгу, держа микрофон, напевал знакомый мотив.

Его голос был настолько сильным, что, казалось, проникал сквозь барабанные перепонки прямо в сердце, заставляя затаить дыхание.

Подхваченные этой мелодией, остальные участники постепенно успокоились и один за другим присоединились к нему.

Вскоре гармоничное многоголосие вновь заполнило центральный стадион «Чанху».

И тут же зазвучал глубокий голос Цзоу Яо:

— Не каждый путь усыпан розами,

Но я свой выбор сделал и не отступлю.

Упрямо вдаль смотрю, сжигая все мосты,

Сквозь бури и шторма к мечте своей плыву.

Бархатный голос Цзоу Яо переплетался с вокальной аранжировкой, создавая богатое, объёмное и на удивление гармоничное звучание.

Кроме того, живой аккомпанемент обладал невероятной гибкостью. В дальнейшем, если кто-то из участников начинал фальшивить, Фан Синьгу, благодаря идеальному взаимопониманию, предугадывал это и незаметно регулировал громкость своего голоса, поддерживая товарища и помогая ему вытянуть партию.

На самом деле, вокальный аккомпанемент — дело непростое, и Nebula никогда его специально не репетировали. Просто во время танцевальных тренировок они привыкли напевать мелодию, чтобы держать ритм. Поначалу это звучало так ужасно, что Фан Синьгу, не выдержав, взялся за них и научил каждого правильной вокальной технике, пока наконец у них не получилась сносная версия «Звёздного пути».

Тогда, в череде изнурительных тренировок, этот импровизированный «урок вокала» был лишь развлечением, но кто бы мог подумать, что он однажды им пригодится.

К концу песни все — и на сцене, и в зале — погрузились в чистое, искреннее звучание. Семеро участников собрались вместе и хором запели:

— Сияние звёзд — это наш свет,

Галактики — наш путь на много лет.

Глаза фанатов снова наполнились слезами. Эта версия «Звёздного пути» звучала более мелодично и проникновенно, чем оригинал, и в ней отчётливо слышалась нотка прощальной грусти.

Неизвестно, кто начал первым, но вскоре весь зал подхватил песню, и звуковая волна, казалось, вот-вот снесёт крышу стадиона:

— Впереди долгий путь, знаю я,

Но с тобой не страшно, ты — звезда моя.

Пусть этот свет горит,

Каждое лицо в пути озарит.

Песня закончилась, но её эхо всё ещё витало в воздухе. С потолка посыпались бесчисленные ленты серпантина, окрашивая этот миг в яркие цвета.

Прошло немало времени, прежде чем фанаты пришли в себя:

— Nebula! Nebula!

Под оглушительные крики Фан Синьгу почувствовал, как в груди что-то разрастается. Эмоции захлестнули его, и он, запрокинув голову, смотрел на падающий серпантин, в зрачках отражались разноцветные блики.

Ему казалось, что он видит не просто ленты, а бесчисленные мечты и любовь.

Nebula никогда не была группой только семерых человек.

Глаза юноши заслезились, и в сердце зародилась тоска.

Но всему приходит конец. Пришло время и Nebula уйти со сцены.

— А-а-а, Синьгу!

— Идеально! Мы сделали это!

Остальные шестеро с криками бросились к Фан Синьгу. От удара у него, и без того едва державшегося на ногах из-за жара, потемнело в глазах, и он чуть не задохнулся.

Они окружили его, и он почувствовал, как бешено колотится его горячее сердце, а от тела исходит пар. Он уже не мог понять, отчего так стучит в груди — от температуры или от волнения в этот незабываемый момент.

Он, сохраняя самообладание, обнял товарищей и под восторженные крики зала наслаждался последними мгновениями, принадлежавшими Nebula.

В зрительном зале Цзин Итун, глядя на обнимающихся на сцене участников группы, тоже улыбнулся.

Вот так и должно быть. Фан Синьгу заслужил наслаждаться своей жизнью.

Но всему приходит конец, и концерт подходил к завершению, а значит, и Nebula должна была распаться.

Три с половиной года — для временной группы это немалый срок, но для фанатов — ничтожно мало.

Участники по очереди прощались с поклонниками. Последним в центре сцены с микрофоном в руке остался Фан Синьгу.

Он бросил долгий, прощальный взгляд на зал. Будущее было туманно, и, возможно, это был его последний выход на сцену.

Он перевёл дух и медленно произнёс:

— Горы и реки рады новой встрече, но у всего есть свой конец. История Nebula на этом завершается, но наши истории продолжаются.

— Спасибо за каждую встречу и до новой встречи.

— Друзья, прощайте.

— Прощайте! — помахали они на прощание.

Занавес медленно опустился, скрывая их фигуры и знаменуя конец эры одной из величайших мужских групп в истории развлекательной индустрии.

Тяжёлый занавес заглушил отчаянные крики фанатов. Услышав затихающие голоса, Фан Синьгу, которого до этого держал на ногах лишь адреналин, окончательно сдал. Жар нахлынул с новой силой, он ослабел, рухнул на пол и потерял сознание.

— Синьгу!

— Высокая температура, низкий уровень сахара в крови и переутомление. Врач сказал, ничего серьёзного, просто нужен покой, — зачитывал менеджер Ци Цю из медицинской карты, докладывая по телефону матери Фан Синьгу, госпоже Ин Чжэнь.

— Столько всего, — подозрительно протянула Ин Чжэнь. — Вы моего сына не эксплуатировали?

— ...Ха-ха, что вы, — неловко рассмеялся Ци Цю, бросив испепеляющий взгляд на стоявшего

рядом Е Вэньляня. — Мы очень заботимся о наших артистах.

Е Вэньлянь почувствовал укол совести. Компания, может, и не эксплуатировала Фан Синьгу, но у него было ещё шестеро нерадивых товарищей.

В последнее время тот занимался аранжировкой песен для концерта и, несмотря на жар, не пропустил ни одной репетиции, да ещё и помогал им исправлять вокальные ошибки.

Е Вэньлянь потёр нос. Чем больше он думал об этом, тем больше убеждался, что они поступили как последние сволочи.

К счастью, Ин Чжэнь не стала настаивать. Она была за границей и не могла приехать, но сказала, что уже попросила знакомого присмотреть за сыном.

Ци Цю и Е Вэньлянь покорно согласились и направились к палате. Завернув за угол, они увидели незнакомого мужчину, который подозрительно озираясь, пытался взломать дверь к Фан Синьгу. На нём были маска и кепка, полностью скрывавшие лицо, и выглядел он крайне подозрительно.

У Е Вэньляня ёкнуло сердце. Первая мысль — сышэн.

Будучи айдолами, они часто сталкивались с подобным. Увидев, что незнакомец уже открыл дверь и собирается войти, юноша крикнул:

— Эй, ты кто такой?!

Услышав его голос, мужчина замер, но ничуть не испугался. Он повернулся к подбегающим и даже кивнул им.

Е Вэньлянь опешил. Какой наглый сышэн.

Не успел он додумать эту мысль, как мужчина снял маску, и они увидели красивое лицо.

— Брат Ци, Вэньлянь, давно не виделись, — поздоровался он.

Оба резко затормозили, мгновенно узнав его. Цзин Итун?!

В коридоре повисла тишина. Все трое смотрели друг на друга, пока Ци Цю не нарушил молчание:

— ...Учитель Цзин? Какая встреча. Вы... вы здесь?

Кто-нибудь может объяснить ему, почему эта звезда взламывает дверь в палату Фан Синьгу?

Цзин Итун покачал головой.

— Это не случайность. Я пришёл навестить Синьгу. Как он?

— А?

Ци Цю застыл в недоумении. Он не мог сказать, что знает о подопечном всё, но о его круге общения в индустрии был осведомлён прекрасно.

Цзин Итун был самым востребованным молодым актёром в стране, уже в юном возрасте получившим титул Киноимператора. Но Фан Синьгу за всю свою карьеру ни разу не пересекался с ним на одной сцене, они даже словом не обмолвились.

Казалось бы, их ничего не связывает, но сейчас Цзин Итун таким знакомым тоном говорит, что пришёл навестить его. Разве это нормально?

Е Вэньлянь тоже был в замешательстве:

— Вы знакомы?

— Синьгу не говорил? — удивлённо посмотрел Цзин Итун на дверь палаты. — Я его брат.

От автора:

<http://bllate.org/book/13481/1663008>